

Калле КАСПЕР

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ МИЗАНТРОПИИ

Несколько слов о «Тошноте»
Жана Поля Сартра

Духовный позвоночник французской литературы — мизантропия. Основу этому мировоззрению положил Вольтер, первый мизантропический роман написал Шодерло де Лакло, с некоторыми оговорками мизантропом можно считать даже Бальзака, определенно — Золя, но и тем более — Мопассана.

В XX веке доминанта не меняется, мизантропию можно найти даже в творчестве очень поэтичного Пруста, ею дышат романы и католика Бернаноса, и гуманиста Сименона. До своего нового апогея мизантропия доходит в середине тридцатых годов, когда один за другим вступают в литературу Луи Фердинанд Селин, у которого Сартр позаимствовал эпиграф к «Тошноте», сам Сартр и чуть позже Борис Виан, чьи романы «Пену дней» и «Сердцедер» трудно воспринять, не прочитав «Тошноту».

Мизантропия каждого из перечисленных писателей отличается от других, каждый из них обнажает отвратительную сущность человека именно с той стороны, которая его раздражает больше всего; но самый непримиримый, самый принципиальный мизантроп все же Сартр — он настолько принципиален, что презирает даже саму мизантропию, которую считает особой формой гуманизма. Ни до, ни после Сартра, если исключить некоторых его эпигонов, никто не осмеливался интерпретировать мизантропию как возможность ненавидеть не только человека, его убогие мысли, притворные чувства и омерзительные поступки, но и само существование, жизнь как таковую. Сартр не жалуется на бессмысленность жизни — он буквально издевается над всеми ее проявлениями: и социальными, и духовными, и физиологическими.

Текст «Тошноты» можно условно разделить на две части. Одну из них составляют мысли и наблюдения героя, бродящего по улицам городка Бувиль, коротающего время в кафе, посещающего местный музей и ищущего в библиотеке материал для моно-

Калле Каспер — поэт, прозаик и драматург. Родился в 1952 году в Таллине. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор нескольких романов, в том числе эпопеи «Буридану» в восьми томах (премия Таммсааре), пяти сборников стихов на эстонском и двух на русском. Двукратный лауреат премии журнала «Звезда». Стихи Каспера печатались в журналах «Звезда», «Новый мир», «Нева» и «Литературная Армения», а эссе — в журналах «Звезда», «Нева», «Палimpseст», «Традиция и авангард», «Восток—Запад» и др. Каспер — лауреат премии имени Ивара Иваска, многолетнего редактора журнала «World Literature Today», за сборник литературных эссе (2021). Автор 37 книг.

графии. Эти одновременно жуткие и поэтические монологи произносит человек, который смотрит на жизнь со стороны и нисколько в ней не участвует.

Вторая часть — это два центральных эпизода, во имя которых, кажется, роман и написан. Первый эпизод — обед с персонажем, коего автор окрестил Самоучкой — эпизод, как мне кажется, повлиявший на европейское общество во второй половине XX века больше любого другого текста:

«Просто я думаю, — говорю я ему смеясь, — что все мы, какие мы ни на есть, едим и пьем, чтобы сохранить свое драгоценное существование, а между тем в существовании нет никакого, ну ни малейшего смысла».

Самоучка посерьезнел, он тшится меня понять. Я смеялся слишком громко — многие обернулись в мою сторону. К тому же я жалею, что наговорил лишнего. В конечном счете это никого не касается.

Самоучка медленно повторяет:

— В существовании нет никакого смысла... Вы, конечно, хотите сказать, мсье, что жизнь не имеет цели? Кажется, это и называют пессимизмом, не так ли? — Подумав немного, он мягко добавляет: — Несколько лет назад я читал книгу одного американского автора, она называлась: «Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?» Не правда ли, вы задаете себе именно этот вопрос?

Ясное дело, нет, я задаю себе совершенно другой вопрос. Но я не собираюсь пускаться в объяснения...²

Важность первого предложения этого отрывка очевидна, именно его, кстати, цитируют русские электронные издательства в аннотации к «Тошноте».

Через некоторое время за процитированным отрывком следует еще один не менее важный — размышление героя об Абсурде:

«Сейчас под моим пером рождается слово Абсурдность...Но теперь я хочу запечатлеть абсолютный характер этой абсурдности...» и т. д. (не буду полностью приводить, поскольку отрывок занимает примерно восемь книжных страниц)³.

Каждый, кто читал «Миф о Сизифе» (подзаголовок — «Размышление об абсурде») Альбера Камю — и я предполагаю, что его читали все образованные эстонцы, — должны бы при виде этих строк напрячься: те же мысли, та же постановка вопроса⁴. Наша проблема сейчас в том, что сюда, на территорию бывшего СССР, эти мысли дошли в неправильном порядке — так как если во Франции «Тошнота» вышла в 1938 году, а эссе Камю — в 1941-м, то на эстонский «Миф о Сизифе» был переведен в 1972 году, а «Тошнота» — только сейчас⁵; то есть на самом деле не Сартр дискутирует с Камю, а наоборот, Камю с Сартром. Фактически эссе Камю посвящено именно опровержению постулатов Сартра. Термины придумал Сартр, они, как сейчас модно выражаться, его «интеллектуальная собственность», Камю лишь интерпретировал их по-своему (добавим в скобках, что и самый известный роман Камю, «Посторонний», не до конца оригинален, чтобы это понять, достаточно прочесть написанный за несколько лет до этого роман Жоржа Сименона «Суд присяжных»; без Мегрэ).

Вот где причина противостояния двух французских писателей, о котором мы раньше знали только по пересказам. Наверняка больше всего Сартра раздражало то, что Камю в своем эссе цитирует многих авторов, от Достоевского до Кьеркегора, но избега-

² Здесь и далее перевод Ю. Яхниной.

³ См. хотя бы в книге Жан Поль Сартр. Стена. М.: Издательство политической литературы, с. 132—138 (sic! — название издательства).

⁴ Эссе первоначально написано для газеты эстонских творческих союзов «Sirp» («Сирп»).

⁵ В 2002 году. Русское издание «Тошноты» 1992 года, кажется, первое, насчет «Мифа о Сизифе» у меня сведений нет, но думаю, что он был опубликован до этой даты.

ет называть одного — его, лишь экивоками рассказывая о некоем «тезисном романе», с мыслями которого он не согласен.

Если помните, Сартр отказался от Нобелевской премии, и многие объяснили это именно тем, что Камю она была присуждена раньше. Не думаю, что причина в этом, ведь экзистенциальные атаки Сартра направлены как раз против социальных условностей, к которым надо причислить и канитель с Нобелем.

Во время беседы с Самоучкой герой «Тошноты» предлагает остроумную классификацию гуманистов: «...гуманист-весельчак, который всегда найдет случай посмеяться, и мрачный гуманист, которого чаще всего можно встретить на похоронах»⁶. Имя Камю к тому моменту Сартру, возможно, было незнакомо, тот еще проживал в Алжире, но позже, по поводу смерти коллеги Сартр напишет о нем великодушно, в то же время оставаясь верным себе: «Через него до наших дней доходит тот длинный ряд моралистов, чье творчество составляет, пожалуй, самый самобытный раздел французской литературы. Его упрямый, ограниченный и чистый гуманизм...» и т. д.⁷

Эта характеристика помогает понять, почему нам вместо плоти экзистенциализма в свое время была брошена его обглоданная кость — гуманисты-моралисты в глазах советской власти ценились выше; что же касается того, что с произведением, которое Камю критиковал, советский читатель не имел возможности познакомиться, было на руку большевикам: они вечно старались не печатать оригинал, поскольку это могло поставить под сомнение их осуждающий вердикт.

Любовь Сартра к коммунистическим идеям преувеличена. Сартр довольно типичный идеалист и бунтовщик, который хочет чего-то, но чего именно, не знает. Его гнев обращен к мертвым структурам вообще, к государству как организации, которая всегда плетет вокруг человека сеть лжи и мифов. Если бы революция 1968 года во Франции удалась, Сартр наверняка разочаровался бы в ее результатах — если только не занял бы какую-нибудь важную должность и не утратил чувство самокритики; но вероятность тут крайне низка. Чтобы понимать, насколько Сартр на самом деле презирал коммунистов, достаточно одного предложения из «Тошноты»: «Писатель-коммунист любит людей со времени второго пятилетнего плана»⁸ — но еще лучше прочесть трилогию Сартра «Дороги свободы». В последней части этого романа, посвященной событиям 1940 года, Сартр отнюдь не противопоставляет «импотентной буржуазии» коммунистов, наоборот, он издевается над ними, показывает, как эти тупые, но убежденные в своей правоте люди слово в слово следуют сталинским директивам. Понятно, что и это произведение не было одобрено советской цензурой.

Следующий по важности эпизод «Тошноты» — краткая встреча героя с бывшей любовницей Анни. Здесь Сартр уничтожает иллюзии всех тех, кто считает, что жить надо для того, «чтобы жить», другими словами, чтобы коллекционировать впечатления, или, как говорит Анни, «совершенные мгновения». От ее коллекции ничего не осталось: все исчезло, развеялось, даже самые острые, экзотические ощущения лопнули, как мыльный пузырь.

Также Сартр подчеркивает бессмысленность приключений, сделав своего героя «путешественником» — в «Тошноте» можно найти множество ссылок на города, в которых он побывал. Тридцать лет спустя похожая философия доходит и до кинематографа: у героя «Последнего танго в Париже» тоже за спиной «одиссея», и он тоже оказывается в тупике — все, что остается в мире от этого, разумеется, намного более ничтожно-

⁶ Ibid, с. 121.

⁷ Цитировано по послесловию Хенно Раянди к тому сочинений Камю «Миф о Сизифе», 1989, с. 476 (на эст.).

⁸ Ibid, с. 121. Подозреваю, что перевод неточный, на эстонский эта мысль переведена иначе: «Писатель-коммунист любит людей соответственно плану второй пятилетки».

го героя, чем сартровский Рокентен, это перед смертью прилепленный к карнизу кусок жвачки.

Рокентен не хочет, чтобы его жизнь прошла впустую, и он находит тот же выход, что и герой Пруста, — решает написать роман. Увы, этим почти что хеппи-эндом Сартр во многом перечеркивает большую часть возвышенного мизантропического пафоса «Тошноты». Невольно задаешься вопросом: а что должны делать люди, у которых нет литературного таланта? И вслед за этим возникает подозрение: были ли достаточно аргументированы нападки Сартра на тех, кто, по его убеждению, ведут бессмысленное, смехотворное существование? Не противопоставляется ли пустоте жизни любое творческое действие?

Однако не надо забывать, что во время написания «Тошноты» Сартр был еще очень молод, ему было немногим больше тридцати — вот почему в тексте, кроме таланта, ощущается эпатаж и бездумный негативизм. Ненавидеть собственно жизнь, жизнь как разрастание и гниение плоти — разумно; также разумно ненавидеть человека как существо мерзкое, жадное, эгоистичное; но справедливость требует, чтобы мы признали: люди разные. Есть такие, в которых можно найти кое-что достойное человека, а есть просто животные. Живя вынужденно в одном обществе с последними, волей-неволей начинаешь ценить первых, даже несмотря на их пороки. Но теперь я, кажется, предался гуманизму, который Сартр, возможно, квалифицировал бы как «наивно-аналитический».

Мизантропический пафос, заполняющий страницы «Тошноты», неизбежно должен был вызвать не только критику гуманистов, подобных Камю, но и смех — со стороны тех, кому было очевидно тщеславие автора. Так родился на свет великий идеолог Жан Соль Партр, прибывающий на слоне читать лекции восторженным студентам.

Воистину французский, ироничный ответ.